
ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА: КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.А. Быкова

Кафедра иностранных языков № 1
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье исследуется проблема обеспечения эквивалентности в переводе и адекватности интерпретации смысла в иноязычном дискурсе с учетом когнитивно-культурных факторов двуязычной опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, когнитивность, интерпретация смысла, перевод.

На современном этапе развития науки о переводе междисциплинарные основы рассмотрения языкового материала способствуют дальнейшему раскрытию специфики процесса перевода как особого вида речевой коммуникации с точки зрения динамики глубинных процессов человеческого мышления, выявления механизмов когнитивной деятельности, объяснения закономерностей концептуальной картины мира, специфики и ограничений, привносимых конкретным дискурсом и коммуникативной ситуацией, иными словами, всего, что связано с центральными категориями переводоведения — адекватностью и эквивалентностью, инвариантом в переводе.

Исследование различных аспектов, касающихся категоризации и концептуализации разнообразных языковых явлений (например, особенности денотативных пространств, средств номинации и т.д.), непосредственно связано с их функционированием в дискурсе.

Задача поиска формата представления концептуальных структур невероятно сложна. До сих пор малоизученным остается вопрос о том, в виде каких концептов человек хранит информацию о единицах языка и к какому уровню ее можно отнести — чисто семантическому, синтаксическому или общему, когнитивному.

Изучение поведения слова в дискурсивной деятельности, в его реальном употреблении требует более глубокого исследования репрезентации знаний в человеческом сознании, опосредованном языком и связывающем знания о мире со знанием языка.

Известно, что любой знак в составе производного, комплексного обретает способность вызывать в памяти любые ассоциации с другими структурами знания, с другими концептами и другими знаками языка, с другими базовыми значениями.

Простое слово, выступая в виде полнозначной единицы номинации, в определенной степени являет собой базовую единицу языка, без участия которой немислима сама дискурсивная деятельность человека, не может состояться ни один акт коммуникации. Слово способно отразить знания об окружающем мире, языковые знания и знания о функционировании той или иной единицы.

Если до недавнего времени различного рода исследования были сосредоточены на анализе отдельно взятых слов, их семантики в отрыве от реального употребления, то в настоящее время наблюдается тенденция к изучению сочетаемости единиц, а также правил взаимодействия смыслов, определяющих выбор конкретных языковых средств, которые служат кодом в процессе передачи концептов в дискурсе, что можно представить как потребность знака в интерпретации. Эта тенденция не может не оказывать влияние на переводческие исследования, т.к. эти проблемы в равной мере относятся к понятиям «эквивалентность» и «адекватность», на которые опирается теории перевода.

Языковой знак, как известно, конвенционален. Это общественный знак, т.е. в определенном обществе (языковом коллективе) этому знаку приписан конкретный смысл; только в этом случае он может выступать как средство общения, поскольку «всякий человек способен вполне воспринять только создания той культуры, к которой сам принадлежит, или культур, ближайших к этой культуре» [7. С. 15].

Многогранность и объективная сложность самого феномена культуры обуславливает его обобщенное понимание, в соответствии с которым культура представляет собой духовное освоение действительности. Семиотический характер такого освоения является основополагающим для проблемы взаимодействия языка и культуры (В.Н. Телия, Е.Ф. Тарасов, В.В. Красных и др.).

Существенным при этом является то, что язык и культура относятся к знаковым системам, которые кодируют одни и те же феномены действительности, однако делают это различным образом, а также тот факт, что язык и культура — это формы сознания, которые отражают мировосприятие человека. Принято выделять материальную и духовную формы культуры, которые характеризуются отношениями постоянного взаимопроникновения. При этом познающий человек, его сознание является базой для такого взаимопроникновения.

Коммуникация в принципе рассчитана на знание об объекте, то есть на знания о мире и участвующих в данном дискурсе референтах. При исследовании культурных коннотаций последних представляется важным не только эксплицировать фактологическое знание, но и выявить те социальные представления (а также оценки и эмоции), которые стоят за ним.

В этой связи следует особо подчеркнуть двойственный характер переводческого познания, которое находит наиболее полное отражение в известной максиме Д. Касагранде «Переводятся не языки, а культуры» [8].

В условиях опосредованной межязыковой коммуникации восприятие и оценка многих вещей и понятий адресантом (отправителем сообщения) может существенно отличаться от их понимания адресатом (получателем), принадлежащего к другому культурно-языковому коллективу. Такие различия могут быть обусловлены причинами как объективного, так и субъективного характера.

В ходе познавательной деятельности формирование того или иного понятия в различных лингво-культурных общностях может осуществляться различными путями. Вместе с тем релевантным для репрезентации информации является определенность языкового оформления, достаточная для восприятия ее как формы конкретного языка, несущей конкретное содержание.

Так, адресант воспринимает объективную действительность в соответствии с традициями своего народа (культурный фактор) и своего класса (социальный фактор). Его знания о мире, убеждения, «шкала ценностей» чаще всего не совпадают с соответствующими, а также фоновыми или тезаурусными знаниями адресата перевода, что не может не создавать разрыва в знаниях, понятиях, взглядах и тем самым прагматически приводить к ситуациям нонкоммуникации или вызывать реакцию, противоположную ожидаемой со стороны адресанта.

Адекватная передача на язык перевода (ПЯ) тех или иных понятий требует знания дополнительных ассоциаций, связанных с культурой, традициями и бытом этой лингво-культурной общности. Одно и то же слово исходного языка (ИЯ) и его эквивалент в ПЯ в зависимости от presuppositions общения может иметь различные оценки, как отражение фонового мира ценностей различных лингво-социокультурных общностей. Так, с позиции адресанта, являющегося представителем одной культуры, слово может заключать в себе отрицательную оценку, тогда как с позиции адресата, принадлежащего к другому языковому коллективу и другой культуре, оно может быть маркировано либо положительными, либо нейтральными коннотациями и наоборот.

Принято считать, что когнитивные пространства национально детерминированы и национально маркированы.

При этом энциклопедические знания, формирующие эти совокупности, как правило, являются общими, в том числе и у представителей различных лингвокультурных сообществ, однако представления, выступающие в качестве элементов указанных когнитивных совокупностей, могут существенно различаться. Например, если рассматривать этот вопрос с точки зрения комбинации языков, участвующих в конкретном акте перевода: русский язык — испанский язык или испанский язык — английский — французский язык и т.п., нередко приходится констатировать, что именно в коннотациях проявляется национальная специфика и своеобразие в оценке одних и тех же предметов окружающей действительности.

На наш взгляд, представляется интересным рассмотреть вопрос о соотношении концептуальных моделей ИЯ и ПЯ в условиях перевода и взаимодействии смыслов в дискурсе на примере русского словосочетания «*крестовый поход*» и ЛЕ «*крестоносца*», имеющих в испанском языке в качестве соответствий «*las cruzadas*» и «*el cruzado*». Эти единицы обладают широкой лингвокультурологической значимостью, в целом усиливают семантико-когнитивный фон.

Вне дискурса они полностью совпадают по своим языковым значениям, обозначая один и тот же предмет (референт). В реальном употреблении, в частности, в общеизвестном сочетании «*крестовый поход против социализма*» с последующим переводом на испанский язык «*la cruzada contra el socialismo*» происходит кардинальное изменение прагматических координат коммуникативной ситуации.

Известно, что в процессе коммуникации образ или подразумеваемый смысл у отправителя должен соответствовать смыслу, извлекаемому из знака у получателя [2. С. 25].

В данном случае целью адресанта является не только сообщение информации, но и оценка данного события без использования каких-либо дополнительных све-

дений эмоционально-оценочного характера о самом факте, описываемом в данной ситуации. При этом речь идет о крайне отрицательной оценке в соответствии с общепринятыми конфессиональными представлениями русскоязычного сообщества.

Поскольку дискурс прежде всего связан передачей знаний или оперированием знания в определенных целях, а также учитывая тот факт, что не может быть дискурсивной деятельности, не сопряженной так или иначе с информацией и с работой по ее применению [3. С. 10], встает вопрос о преодолении дифференциала в знаниях, представлениях, ассоциациях и др., возникающий при контакте двух культур.

Как правило, общее ассоциативное поле в социокультурном фонде коммуникантов, принадлежащих к одной лингво-социокультурной общности, в целом позволяет адресату сделать соответствующий замыслу адресанта вывод (а адресанту добиться желаемого эффекта и цели коммуникации).

Однако в процессе двуязычного и особенно межкультурного опосредованного общения у коммуникантов могут возникать различного рода трудности, обусловленные в значительной степени тем, что «в процессе перевода происходит сопоставление концептуальных картин мира первичного отправителя информации (автора) и первичного получателя информации — переводчика. Для достижения эффективной коммуникации необходимо, чтобы степень совпадения концептуальных систем отправителя информации и переводчика была как можно более высокой» [4. С. 25].

В контексте перевода представляется чрезвычайно важным в этой связи утверждение Е.А. Нотиной о том, что «семиотическое родство языка и культуры позволяет рассматривать их во взаимосвязи, дает возможность исследовать функционирование текстов в национальном языке, национальной культуре, социально-общественной жизни всего мирового сообщества» [5. С. 123].

Вместе с тем «не меньшее значение в языковом самовыражении народа имеет отбор языковых элементов в речи, в процессе организации высказывания. Этот отбор показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей» [6. С. 402].

С точки зрения концептуального моделирования информации в целях достижения адекватности и обеспечения эквивалентности в переводе особый интерес представляют выделенные и описанные Е.А. Нотиной «ситуативно-сопоставительные модели концептуальных систем отправителя информации (первичного адресанта) и переводчика (первичного адресата и вторичного отправителя, вторичного адресанта информации) с учетом акта коммуникации» [5. С. 26].

Так, в условиях опосредованной коммуникации, при переходе на ПЯ (в данном случае испанский язык) такие форманты речевой ситуации, как «предмет речи» и «личность интерпретатора», вступают в особые отношения.

Меняется ценностная картина мира и с позиции адресата, принадлежащего к другому культурно-языковому коллективу, “*cruzada contra el socialismo*” приобретает если не положительный, то по крайней мере нейтральный оттенок. Испания — католическая страна, которая принимала участие во всех Крестовых походах, предпринятых христианами в XI—XV вв. против мусульман.

Т.о., для испаноязычного адресата ЛЕ “*curzada*” и “*cruzado*” как лингвокогнитивная реперзентация значения с точки зрения конфессиональной принадлежности исторически имеют только положительную коннотацию.

Данные понятия трактуются испанским лингво-социокультурным сообществом следующим образом:

«La palabra “**Cruzada**” es producto de la sustantivación del adjetivo “**cruzado**”, literalmente, el “*marcado por la cruz*”. Fundamento ideológico: Cristo encabeza a los cruzados: del pasaje de Evangelio que dice: “*Quien quiera venir conmigo que renuncie a todo, que tome cruz y me siga*» [Cambio 16. № 1254. Diciembre 1999. P. 122].

В сознании испаноязычного адресата номинация внетекстового объекта в тексте или информации о факте его существования характеризуется исключительно положительными коннотациями, отражает жизненно важные для человека и общества этические смыслы и христианские идеалы, поскольку его пространственные и временные параметры актуализируются из фоновых знаний, а также в соответствии с принятыми в испаноязычной социокультурной общности конфессиональными представлениями.

Пример: «Terminada la Guerra Santa y ya en la Edad Media, los musulmanes volvieron a combatir. Ahora eran los cristianos los que querían conquistar, conservar o recuperar los Santos Lugares. Comenzaba así una nueva guerra: **Las Cruzadas**» [Cambio 16. 15 julio 2001. № 1286. P. 22].

Следует особо отметить, что испанская ЛЕ и понятие, точно описывающие конкретную ситуацию, выступают в роли инструмента когнитивной деятельности адресата с точки зрения моделирования, структурирования и отражения в дискурсе определенной части человеческого опыта и знаний, обеспечивая понимание и эффективность языковой коммуникации, поскольку опирается на не утратившее своей актуальности отношение в католической Испании к ценностям духовной религиозной культуры.

При этом следует особо отметить, что, в соответствии с представлениями и интенцией адресанта данная ЛЕ способна создавать новые образы и выступать в качестве приема установления аналогии в ситуации и ее оценке (*uno de los principales patriarcas que lideraba **la cruzada** contra la droga*).

В целях формирования у адресата определенной точки зрения (*El rey de los gitanos resulta ser maldito traficante*) и в качестве средства фокусирования смысла адресант апеллирует к предшествующему культурному опыту и готовым блокам в сознании носителя испанского языка для адекватного понимания ассоциативного ореола ЛЕ «*curzada*» в дискурсе. Например:

«El rey de los gitanos, uno de los principales patriarcas que lideraba **la cruzada** contra la droga, resulta ser ahora un presunto y maldito traficante. La Policía le ha desenmascarado» [Cambio 16. 25 Diciembre 2009. № 1867. P. 12].

В русском языке словосочетание «*крестовый поход*» имеет ярко выраженную негативную окраску, т.к. в православной России ассоциируется в первую очередь

не с крестовыми походами против мусульман за Гроб Господень (это случай совпадения оценок в обоих социумах в отношении данного факта истории и культуры), а с «крестоносцами» и историческими событиями 1240—1242 гг. и Александром Невским, а отсюда и с «крестовым походом» стран Антанты, а затем и гитлеровской Германии против СССР. Эта информация существует в энциклопедических знаниях и в ассоциациях русскоязычного получателя, соотносится с духовно-культурными стереотипами, как правило, не имеет эксплицитного выражения и присутствует имплицитно в коллективной памяти носителей языка как часть сохраненных и передаваемых из поколения в поколение национальных традиций.

Таким образом, понятие, обозначаемое в русском языке словосочетанием «крестовый поход», а в испанском языке — «*las cruzadas*», имеет амбивалентную прагматическую оценку, иными словами, знак оценки варьирует не только в зависимости от позиции и установки коммуникантов, но и от их принадлежности к той или иной лингвосоциокультурной общности и, в первую очередь, их конфессиональной принадлежности.

В этом проявляется национально-культурная специфика, которая напрямую связана с понятием эквивалентности в переводе, т.к. национально маркированные компоненты смысла, содержащиеся в ЛЕ, оказывают влияние на концептуальное моделирование информации и активизируют в процессе мыслительной деятельности определенное видение мира, передавая через культурную память, фиксируемую семантикой слова, дополнительно конкретный смысл (зачастую представленный имплицитно) и его оттенки в одно и то же время. Например:

«Los rusos enviaron el primer satélite al espacio, pero Estados Unidos fue el primero que puso un hombre en la Luna. Los americanos ganaron **la cruzada contra el mal** en Europa y al final han ganado la rotunda hegemonía planetaria con el fracaso del comunismo hereje» [Cambio 16. 15 de jilio 2001. № 1286. P. 41].

Следует отметить, что в сложившихся исторических условиях представления русскоязычного получателя и получателя — носителя арабского языка во многом могут совпадать в оценке этого понятия, поскольку в сознании адресата, принадлежащего к арабоязычному сообществу, оно соотносится с несправедливой, неправедной войной («*guerra injusta*»). Например:

«Una organización llamada Los Leones de Al-Mufridoon, desconocida hasta ahora, se ha adjudicado la autoría de los crímenes desde Dubai. El grupo dice estar formado por marroquíes, tunecinos y argelinos, que habrían atacado a España por haberse embarcado en la “**cruzada**” de Bush... El propio Osama Bin Ladan dijo: “Nos reservamos el derecho a reponder contra todos los países que participan en esta **guerra injusta**...” [El País, 14.03.2004. P. 3].

Исторически и конфессионально маркированная амбивалентность данных ЛЕ будет актуализировать положительную или отрицательную оценку, накладывая ограничения прагматического характера на их употребление в акте опосредованной коммуникации, очерчивая круг возможных ситуаций употребления в переводе

с позиции достижения адекватности, кодировать такой важный параметр, как «интенция адресанта». Например:

«Al Qaeda reivindicó anoche en el periódico Al Qods al Arabi, editado en Londres, la autoría de la masacre a través de una carta. “Hemos logrado infiltrarnos en el corazón de **la Europa de las cruzadas**, y golpear una de las bases de **la alianza de las cruzadas...**”» [El País. 14.03.04. P. 3].

Учет объективных и субъективных характеристик адресата (или «установка на получателя») характеризует любой корректно построенный дискурс как при однопольном, так и двуязычном общении, поскольку речь идет об актуализации смысла дискурса. Интенциональное воздействие на адресата оказывается адресантом в ходе решения конкретной коммуникативной задачи передать свое представление о мире в целом или событии через призму определенных концептуально-ценностных ориентиров. Это происходит, в частности, если за конкретной ЛЕ закреплено общепринятое представление целой ситуации, имеющее определенные прагматические параметры.

Подобное представление ситуации, как правило, соотносится со сложившимся комплексом представлений, известным адресату оригинала, в то же время оно может расходиться ввиду его конвенциональности с ассоциациями в другой языковой культуре, в конечном итоге приводить к искажению прагматического эффекта в ПЯ.

Наличие имплицитного смысла и возникающих на его основе коннотаций может создавать ситуации, в которых сохранение формальной эквивалентности перевода делает его неадекватным. Когнитивные основания категоризации мира, наличие связи между структурированностью определенного отрезка действительности, его ментальной организацией и языковым выражением в условиях перевода становятся ключевыми в обеспечении эквивалентности, адекватного декодирования смысла дискурса и, соответственно, его адекватной передачи средствами другого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Быкова И.А. Когнитивные аспекты перевода фоновой лексики испанского языка // Сборник научных трудов МГЛУ «Коммуникативная лингвистика». — М.: «РЕМА», Московский лингвистический университет, 1997. — С. 72—78.
- [2] Колишанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — М.: Наука, 1984. — М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007.
- [3] Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. — Тамбов, 2001. — Ч. I. — С. 8—11.
- [4] Нотина Е.А. Фоновые знания переводчика в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». — 2004. — № 1. — С. 23—31.
- [5] Нотина Е.А. Общй и сопоставительный анализ языкового оформления структурно-композиционной организации научной статьи // Вестник РУДН. Серия «Иностранные языки». — 2004. — № 1. — С. 123—128.

- [6] *Нотина Е.А.* Специфика взаимодействия концептуальных систем коммуникантов в условиях опосредованной межъязыковой/межкультурной коммуникации // Университетское переводоведение. — Вып. 10: Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — С. 399—404.
- [7] *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. — М.: МГЛУ, 2002. — С. 11—25.
- [8] *Casagrande J.B.* The Ends of Translation // *International Journal of American Linguistics*. — 1954. — Vol. XX. — #4. — P. 487—499.

FACTORS OF A BILINGUAL MEDIATED COMMUNICATION

I.A. Bykova

Foreign Languages Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the phenomena of equivalence in translation and adequacy in interpretation of sense in the discourse of translation language in connection with the cognitive and cultural factors of the mediate bilingual communication.

Key words: discourse, interpretation of the text, translation.